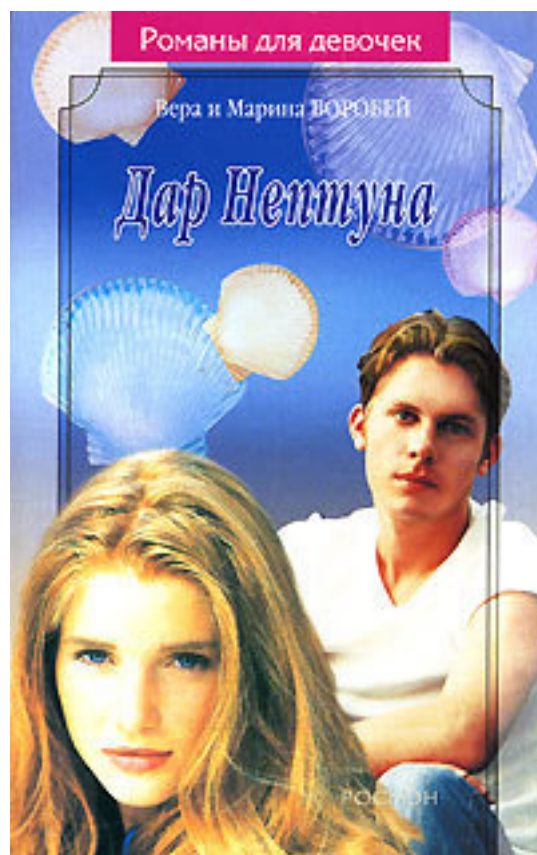

Романы для девочек

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Дар Нептуна

Романы для девочек

Вера и Марина Воробей

Дар Нептуна

«РОСМЭН»

Воробей В.

Дар Нептуна / В. Воробей — «Росмэн», — (Романы для девочек)

Вернувшийся из санатория в Крыму, Егор Тарасов подарил Ире свою находку – перстень. Оказалось, что он старинный. Решив разыскать его владельцев, Ира и Егор узнают невероятно интересную историю этого перстня. А еще Ира окончательно убеждается, что Артем, тоже принимавший участие в поисках, – честолюбивый эгоист, для которого главное мерило всего – деньги.

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вера и Марина Воробей

Дар Нептуна

1

– Ир, долго мне еще сидеть этим центурионом?

Егор шумно втянул в себя воздух, выражая недовольство.

– Сам же напросился быть моей зачетной головой, – напомнила Ира.

Она отвлеклась от мольберта и окинула цепким взглядом идеальную для художника натуру.

Егор Тарасов был красив, как Адонис, и сложен, как греческий бог. Но сегодня он изображал не бога, а бесстрашного римского воина и патриция – человека власти в Древнем Риме. Вначале Ира собиралась запечатлеть только его чеканный, словно созданный искусным скульптором профиль, но загорелый торс Егора так и просился на лист, и Ире пришлось изменить свой план.

Тарасов, конечно, попрепирался для виду:

– Как раздеваться? Прямо так сразу? А что мне за это будет?

Но Ира быстро уговорила его снять рубашку, задрапировала вокруг его загорелого плеча тонкую белую простыню на манер древнеримской тоги, после чего усадила в высокое кресло и взялась за уголь.

Положение у Иры было безвыходное. В конце мая ей нужно было сдавать зачетные работы в Школе искусств, а кроме нескольких пейзажей, акварельных этюдов и одного недавно законченного портрета Могиканина, которым она была, в общем-то, довольна, похвастаться перед комиссией было нечем. Одним словом, она возлагала большие надежды на эту творческую работу, которую задумала давно, еще до Нового года.

– Не опускай голову, – Ира требовательно взглянула на Егора. – Взгляд острее, жестче, ты же патриций.

– Хм-м...

– Ну вспомни что-нибудь по-настоящему тебе неприятное, что тебя задевает, – подсказала она, прибегнув к избитому приему. Он сработал. Из-под темных бровей сверкнули глаза цвета «горького шоколада». – Вот, вот! Егор, миленький, очень тебя прошу, не теряй это выражение...

Кусочек угля, словно сам собой забежал по ватманскому листу.

– Тебе легко говорить «не теряй», – отозвался Егор, едва разжимая губы. – А я уже полтора часа в таком каменном состоянии нахожусь.

– Всего-то? – чуть улыбнулась Ирина.

Неодолимо влекущие глаза стали проявляться в углу листа, на свободном кусочке. Как у Пикассо – пришло невольное сравнение. У него все сюрреалистические полотна внутренней энергией заряжены. Конечно, Ира не собиралась оставлять эти карие глаза неприкаемыми. Она непременно «посадит» их на место, но не сейчас, во всяком случае, не на этом эскизе.

Несколько минут спустя юная художница уже рассматривала профессиональным взглядом сырой набросок. Это магнетическое выражение глаз, от которого млеют девчонки, ей, безусловно, передать удалось. Крепкая шея, голубая жилка на ней, этот широкий разворот плеч... Пожалуй, здесь придаться не к чему. Но в целом еще работать и работать. Впрочем, Алла Генриховна завтра непременно скажет: «Вот что значит точно выверенные пропорции!»

Почувствовав, что день прожит не зря, Ира с улыбкой изрекла:

– Между прочим, Сезанн самым сложным видом искусства считал портретную живопись. Он тщательно прописывал каждую деталь на своих полотнах.

– Что вы говорите? – Правая бровь Егора иронично приподнялась.

– Представьте себе! – в тон ему ответила Ира. – Известен случай, когда художник заставлял позировать Амбруаза Воллара в течение ста четырнадцати часов и после этого заключил: «Ну вот, по крайней мере, вашей манишкой я теперь вполне доволен!»

– Какое счастье, что ты не Сезанн!

– Отомри, центурион! – рассмеялась Ира. – Сеанс окончен!

Егора не пришлось упрашивать. Он вскочил с кресла и, потянувшись так, что мышцы заиграли, воскликнул:

– Бог есть, и он меня, кажется, любит!

Ира отвела глаза и как-то излишне суетливо принялась убирать эскизы в папку. И тут краем глаза она заметила, как Егор рванулся к ней:

– Дай посмотреть! Зря я, что ли, столько парился?

Ира оказалась проворнее. Захлопнув папку и бросив ее на стол, она запрыгнула следом и выставила вперед кулачки.

– Посмотришь, когда закончу!

Весь ее героический вид говорил: только полезь!

Егор отступил, прищурился, прикидывая свои возможности, и с напускным равнодушием заявил:

– Ладно, я могу и потерпеть.

– Вот и умница! – Ира победно заправила за ухо выбившуюся из хвоста прядку. – Давай говори, какое у тебя там желание?

Ей пришлось пойти на эту жертву, потому что Егор согласился обмотаться простыней и изображать из себя римлянина только в обмен на желание.

– А теперь тебе придется потерпеть! Я сам выберу время и место. Желание-то мое.

– Хорошенькое дельце. Я тебе что, джинн из бутылки? Ты, значит, пожелаешь, а я сразу должна выполнять!

– Уговор дороже денег. Не давши слова, крепись, а давши – держись, – назидательно заметил Егор.

– Не знаю, что ты там себе придумал, но мне это уже не нравится, – нахмурилась Ира.

Разумеется, она понимала, что Егор ничего такого запредельного от нее никогда не потребует, не тот случай, но все же было стремно сидеть, как на вулкане, и ждать: что еще в его взбалмошную башку взбредет. Однажды он от нечего делать «пожелал» ее поцеловать. Она тогда была потрясена, а он этого даже не заметил.

– Слушай, Егор, а нельзя покончить с этим сейчас? – нахмурилась Ира еще больше. – Просто скажи, что у тебя на уме?

– Не дергайся, солнышко. Поверь, все не так страшно, как тебе кажется. Ну улыбнись!

– Ни за что!

Егор хмыкнул:

– А спорим, что улыбнешься?

– Ха! – бросила Ира и сжала губы с твердым намерением не разжимать их хотя бы две минуты.

Егор потянулся к джинсовой рубашке, лежавшей на спинке кресла, и достал из кармана квадратную коробочку.

– Ой! Дар Нептуна! – выкрикнула Ира. Естественно, рот у нее расплылся до ушей. – Почистили!

– Держи! – усмехнулся Егор, бросил ей коробочку в руки, а сам принялся развязывать узел тоги. – Не просто почистили, а отмывали в каких-то специальных растворах, полировали и прочее.

– Что же ты молчал все это время?! – возмутилась Ира.

– Не хотел портить наш урок рисования. Тебе же нужна моя голова к концу месяца. – Егор натянул рубашку, повернулся к ней, стал застегивать пуговицы. И, заметив, что она до сих пор держит коробочку в руках, подтолкнул ее: – Ну что же ты, открывай!

Не без трепета Ира приподняла пластмассовую крышечку. Она знала, что лежит внутри обычной ювелирной коробочки, потому что примерно неделю назад уже любовалась этой удивительной находкой. Но ее воспоминания не шли ни в какое сравнение с тем, что она увидела на этот раз. От неожиданности у Иры перехватило дыхание. Восторг выразился одним емким звуком:

– О!

На черном бархате лежал перстень, нет, не перстень, а произведение искусства, выполненное с удивительным мастерством. Золото изящно переплеталось с алмазной крошкой, обрамляя тончайшим кружевом крупный травянисто-зеленый камень овальной формы. Грани его переливались в свете люстры и мерцали загадочными бликами.

И это чудо волны Черного моря вынесли к ногам Егора! Невероятно! Удивительно! Но это так и произошло! Просто гулял человек вдоль берега, весенний день оказался жарким. Егор разулся и не успел пройти ста метров по влажному теплему песку, как его что-то больно кольнуло в пятку. Он наклонился, подумав, что это осколок камня или бутылки, и обнаружил перстень. Сначала Егор не придавал значения находке, такой грязной и непривлекательной она ему показалась. Он даже собрался зашвырнуть ее обратно в море, но в последнюю минуту передумал. И даже подробно описал этот случай в письме Ирине, пообещав отдать ей дар Нептуна (Егор так и написал в письме – дар Нептуна) вместе с ракушками, собранными на побережье.

– Какая красота! – произнесла Ира, благоговейно доставая кольцо из коробочки.

Ей очень хотелось его примерить, но что-то удерживало, какая-то внутренняя настороженность. Как будто она понимала, что у нее нет и не может быть такого права.

– Оно твое, – напомнил Егор, угадав ее мысли.

Ира обернулась и улыбнулась ему.

– Что ты, Егор! Я не могу его взять. Только не обижайся! – торопливо попросила она. – Видно же, что оно ужасно дорогое. Камень, оправка... Это не бижутерия, это ювелирное украшение...

– Это всего лишь старинное кольцо с изумрудом. – Егор взял ее руку в свою ладонь и мягко зажал в кулак ее пальцы.

Но Ира снова разжала их. Отточенные грани прозрачного камня ослепили своим блеском.

– Нет, это не просто перстень, – зачарованная этими мерцающими искрами, произнесла Ира еле слышно. – Это чья-то судьба... Он ведь принадлежал какой-то девушке или женщине. Она носила его, любовалась его огранкой, цветом камня. Наверное, надевала его на балы вместе с другими украшениями! Как этот перстень у нее появился? Может, его подарил ей возлюбленный или отец на совершеннолетие. А может быть, этот перстень перешел к ней по наследству, а потом был утерян или украден. Ведь каким-то образом он попал в море... – размышляла Ира вслух, не отдавая себе в этом отчета.

– А хочешь, мы попробуем разгадать его тайну? – хриплым голосом спросил Егор.

Ира подняла голову и недоверчиво улыбнулась. Неужели он это серьезно? Егор смотрел на нее с непонятным выражением на лице.

– Ты действительно этого хочешь? Ну, узнать судьбу этого кольца? – взволнованно спросила она, потому что вдруг поняла, что сама желает этого больше всего на свете.

– Конечно. Ведь зачем-то Нептун расстался с ним, – заметил Егор вполне серьезно.

– Ой! Это здорово! – загорелась Ира. – А с чего мы начнем? Меня охватила жажда деятельности!

– Вижу! А меня охватила обычная жажда, и начнем мы с горячего ароматного кофе. Надеюсь, я его заслужил?

2

Через час Ира и Егор уже наметили план действий. Он был до смешного прост, потому что пока ничего особенно оригинального в голову им не приходило. Егор собрался поговорить с маминым знакомым ювелиром, который приводил перстень в божеский вид, чтобы поточнее определить его возраст, антикварную ценность и по возможности выяснить, куда и к кому обращаться за нужной информацией. Потом они решили пока никому не объяснять, что перстень найден в море. Мало ли что. Оба смутно осознавали, что существуют какие-то законы на этот счет, однако по молчаливому обоюдному согласию обходили эту тему. Правда, некоторые знакомые и друзья уже были посвящены в историю с необыкновенной находкой, но вряд ли она их так сильно взволновала, чтобы остаться надолго в памяти. А для посторонних... «Пусть это будет бабушкино наследство из курортного местечка Коктебель», – предложил Егор, и Ира с ним согласилась.

Больше всего споров возникло из-за того, где должен храниться перстень. Ира говорила: «Лучше у тебя, Егор!» Тарасов твердил: «Он твой, значит, у тебя!»

Спор оборвался внезапно, едва Ира услышала, как в двери тяжело заворочался ключ. Стрелки часов приближались к семи. В это время обычно приходила мама.

– Ладно, пусть пока будет у меня, – прошептала Ира, пряча коробочку в задний карман джинсов и одергивая длинный мохнатый свитер, который сама связала.

– Своим будешь говорить о наших ближайших планах? – так же тихо спросил Егор, уточняя, в общем-то, немаловажную деталь.

– Пока нет! – не раздумывая ни секунды, ответила Ира.

И не то чтобы она обожала окружать себя тайнами, просто не была готова к этому разговору. Хотя, если вдуматься, ей и говорить пока было не о чем.

– Ир, ты дома?

– Мы на кухне.

Последовала короткая пауза, за ней мягкие торопливые шаги, из чего Ира заключила, что мама переобулась в тапочки.

– А, Егор, здравствуй, – натянуто улыбнулась Галина Сергеевна, входя в кухню.

Она поставила полиэтиленовый пакет с продуктами на пустой табурет.

– Здравствуйте, – кивнул Егор, темно-каштановая прядь упала ему на лоб, он откинул ее назад, пройдясь пятерней по густым отросшим волосам.

– В гости зашел? – Галина Сергеевна из вежливости поддерживала разговор, вытаскивая из недр пакета какие-то свертки.

– Я его рисовала. Он моя последняя надежда на зачет у Аллы Генриховны, – объяснила Ира.

Она поднялась, вцепилась в его запястье и потянула за собой в комнату. Егор не сопротивлялся, но в коридоре вдруг остановился как вкопанный.

– Ир, мне пора. Я и так у тебя засиделся, а у меня завтра зачет, не мешало бы конспект полистать, освежить знания. Сама знаешь, сколько я с этим оздоровительным курортом пропустил.

Ира бросила быстрый взгляд на дверь, где мама нарочито громко загремела посудой.

– Да. – Она прикусила губу. – Ну тогда я тебя до метро провожу.

– Проводи! – обрадовался Егор.

Они стали одеваться. Хорошо, когда в город приходит весна. Асфальт сухой, температура плюсовая. Ни шарфов тебе, ни шапок, ни перчаток дурацких. Легкую куртку на плечи нацепил, в ботинки влез – и вперед!

– Мам, я Егора провожу! – крикнула Ира и только протянула руку к дверной ручке, как услышала из кухни:

– А разве тебе не нужно делать уроки?

– Нужно, – не стала спорить она, но все же настояла на своем: – Но вначале я голову проветрю, а потом засяду за алгебру!

– Ир, может, и правда... – напряженным голосом отозвался Егор.

– Нет, – перебила она, щелкая замком.

– Ну смотри.

Егор взял спортивную сумку, с которой ходил в институт, а раньше еще и на тренировки в баскетбольную секцию, и вышел за Ирой.

Она жила в хрущевской кирпичной пятиэтажке. Лифта у них в доме не было, в общем, обычный дом, обшарпанный подъезд, испещренный надписями не всегда приличного содержания, сломанная железная дверь. Над ней красовалась надпись, видимо выстраданная одним из отчаявшихся жильцов первого этажа: «Бараны, закрывайте за собой дверь! Не лето!» Поскольку никто из жильцов себя баранами не считал, дверь оставалась открытой и в лютый мороз, и в изнуряющую жару. Ира научилась не замечать этих неприятных мелочей, каждый раз продолжая закрывать за собой парадную дверь. На этот раз ее закрыл за ними Егор.

– Неудобно получилось, – сказал он уже на улице.

– Что?

– Забыл с твоей мамой попрощаться.

– Переживет, – откликнулась Ира, посмотрев на Егора снизу вверх.

Ничего не поделаешь, ей часто приходилось задираť голову. У Иры в семье все были низкорослые. И папа, и мама, и бабуля с дедом, и две родные тети.

Раньше она частенько плакала и жаловалась на горькую судьбу: «И ничего-то во мне особенного нет, мышка серая, и ростом-то я не вышла!» – и тогда родители начинали ее успокаивать разными мудрыми поговорками. «Мал золотник, да дорог», – убеждал папа. А мама трепала по волосам и приговаривала: «Маленькая собачка – до старости щенков», намекая, наверное, что Ира и в восемьдесят лет будет выглядеть такой же юной и свежей, как сейчас. К счастью для всех, в прошлом году Ира благополучно переболела этим комплексом неполноценности, открыв простую истину: нужно любить себя такой, какая ты есть. Как любят родину, близких тебе людей, старый дом, в котором живешь, ненужную теперь уже игрушку, просто любить и не думать – за что?

Придя к такому выводу, Ира нашла в себе массу достоинств. Во-первых, характер, он у нее просто ангельский. Во-вторых, упорство, чем не хорошая черта? Внешность тоже оказалась не такой уж неприметной при внимательном рассмотрении. Глаза у Иры были карие, но не темные, как у Егора, а янтарные, с желтыми и дымчатыми вкраплениями. Кстати, что глаза у нее дымчатые, первым заметил Егор. Потом у Иры были длинные светло-русые волосы, не такие пышные, как ей хотелось бы, но зато шелковистые на ощупь и послушные. Ира могла накрутить их на бигуди, и они целый день держали форму. Губы у нее были пухлые, а лоб высокий и прямой. А в маленьком росте тоже есть свои преимущества. Ира всегда может надеть шпильки, а вот Туся Крылова или Света Красовская еще подумают. Это пока у них рослые парни, а что там впереди – кто знает. Судьба – штука загадочная, неизвестно, как повернет. У Иры таких поворотов уже много было. Разве могла она, к примеру, предположить, что у нее с Егором настоящая дружба завяжется? Да никогда в жизни! Напротив, у Иры были веские причины обходить его стороной и в школе, и после того, как Егор ее закончил. Но не прошло, что называется, и полгода, как они стали друзьями.

Станция метро была рядом, в семи минутах от дома. Они дошли быстро, остановились.

– Что завтра будешь делать? – поинтересовался Егор.

– Завтра у меня школа, – напомнила она, – а потом курсы в пять.

Егор покачал головой:

– Уточняю: вечером после курсов?

– Вечером я обещала Константину Юрьевичу заглянуть к нему на часок.

– А-а, к этому австралийскому «могиканину». Не можешь без шефства, добрая душа. –

Он посмотрел на нее чуть насмешливым взглядом.

– Знал бы ты, какая у него интересная судьба. Когда он был молодым, то странствовал по свету, добывал уголь в шахте, издавал русскоязычную газету. А теперь он уже совсем старый и здоровье не то. Понимаешь, он на родину умирать вернулся. Так и сказал: «Хочу, чтобы меня отпели в соборе, где крестили, и похоронили среди русских березок под обычным деревянным крестом», – сумбурно, с излишней горячностью рассказывала Ира, как будто пыталась защитить старика. А ведь на него никто не нападал. – Между прочим, род Смоляниных от самого Ивана Грозного начало ведет. И вообще, он милейший человек, простой и очень честный. Скупает для бомжей пирожки целыми пакетами.

– А этот Артем, будущий политолог? Он такой же, как его дед? Простой и очень честный?

– Я не хочу о нем говорить, – напомнила Ира строго.

Их взгляды на мгновение встретились, потом Егор озабоченно посмотрел на часы:

– Слушай, мне действительно пора.

– На свидание? – вырвалось у Иры как-то само собой.

Егор усмехнулся, на этот раз без всякого намека на иронию.

– Сопромат учить. А то твой подарок так и останется не у дел.

Ира заулыбалась. Она подарила Егору на Новый год строительную каску с шутилкой надписью: «Крепкий фундамент». Он ведь через пять лет станет строителем, и эта каска висела у него в комнате на почетном месте.

Вскоре Егор уже шел к метро своей упругой спортивной походкой, и полы его модного кожаного жакета развевались при ходьбе так, как будто не поспедали за ним. Этот парень всегда одевался с небрежным шиком, на нем даже потертые джинсы смотрелись как-то по-особенному.

«А ведь не скажешь, что пять месяцев назад он был прикован к кровати. Нервничал, что не сможет ходить после аварии», – подумала Ира. Сердце отозвалось щемящей болью, отогнав от себя неприятные воспоминания.

Ира крикнула:

– Егор!

Он не услышал, и она повысила голос:

– Егор!

И тогда он обернулся.

– Что? – отозвался он, чуть прищурившись.

Он часто прищуривался, поскольку был близорук.

– Позвони мне завтра. Расскажи, что узнал... – Ира осеклась, вспомнив, что кругом слишком много народу, но быстро нашлась и, абсолютно уверенная в том, что Егор ее поймет, прокричала: – Ну, о нашем деле!

– Обязательно! – Егор кивнул и больше не оборачивался.

А Ира провожала его взглядом до тех пор, пока он не скрылся в подземке.

3

Дома Иру сразу усадили ужинать, хотя она сопротивлялась, уверяя, что час назад пила чай с бутербродами.

– Ишь моду взяла: сухомятка да сухомятка. Вот наживешь себе гастрит смолodu и будешь потом всю жизнь маяться, – ворчала мама, ставя перед Ирой тарелку с наваристым борщом.

Папа помалкивал. Он попыхивал сигаретой и изредка бросал в сторону Иры сочувствующие взгляды. Он знал, когда мама в таком настроении, ей лучше под руку не попадаться. Но и Ира отлично понимала, в чем тут дело. Вовсе не в гастрите. Просто мама невзлюбила Егора. Ну не пришелся он ей по душе, и все тут! Зато папе Егор нравился. Это было заметно и невооруженным взглядом. Досаднее всего было понимать, что Егор эту разницу чувствовал, поэтому и сбежал сегодня, как только мама появилась. Пришел бы первым отец, они бы засели за шахматы, и сопромат бы спокойно подождал своей очереди.

Ира задумалась. Странная получалась картина: с Артемом все было с точностью до наоборот. Он с первой минуты не понравился папе, у него появилось стойкое неприятие этого интеллигентного парня, выговаривавшего фразы с легким акцентом и изъяснявшегося цветистым литературным языком. А вот мама была от него без ума. Только и слышно было: Артем такой воспитанный... такой умница... будущий политолог... иностранец... И многозначительно смотрела на Иру...

К счастью, последнее время, после того как Артем перестал Ире звонить и как-то напоминать о себе, мама поутихла. Может, она считает, что в этом виноват Егор? Точнее, его возвращение из санатория? Но ведь Ира ей все объяснила. Как она может с уважением относиться к человеку, если он говорит правильные слова, а поступает неправильно? Егор не такой. Он открытый, пусть далеко и не идеальный. Он умеет признавать свою вину и ошибки, а не сваливать их на обстоятельства или случайность.

Неожиданно Ира вспомнила, как Егор встревожился, что забыл попрощаться с ее мамой. Кто бы мог подумать, что его когда-нибудь будут волновать подобные житейские мелочи! Да, ничего не скажешь, этот парень и в самом деле сильно изменился после аварии. От его беспечной самовлюбленности не осталось и следа, и не заметить это мог только слепой.

Ира отодвинула тарелку, на дне которой плескались остатки борща. Есть совершенно расхотелось.

– Силу оставляешь, – напомнил отец.

– А зачем она мне? Я вагоны разгружать не собираюсь, – отмахнулась шутливо Ира.

– А уроки? – снова напомнил отец, загасив окуроч в массивной стеклянной пепельнице.

Ира вздохнула. И кто ее за язык тянул! Чуть больше месяца назад она дала отцу обещание каждый день делать уроки – все-все, вплоть до физры, чтобы закончить нормально выпускной девятый класс. Конечно, она могла и поспорить с отцом. Он вот тоже обещал бросить курить после сердечного приступа, а ведь не бросил. Но Ира и сама понимала, что хороший аттестат ей необходим, как воздух, ведь она собиралась поступать в архитектурный колледж, а там учитывался средний школьный балл.

Неохотно поднявшись, она бросила:

– Все, иду сражаться с алгеброй!

«Легко сказать “сражаться”!» – думала Ира в своей комнате, сидя над открытым учебником. А как это сделать, когда в голове, словно жуки в жестяной банке, которых Ира недавно рисовала биологичке, копошатся совсем иные мысли.

Меньше чем через минуту Ира уже любовалась даром Нептуна. «Неужели Егор способен расстаться с такой ценной вещью?» – удивлялась она, пытливо разглядывая сверкающие грани травянисто-зеленого камня. Взять и вот так просто, за здорово живешь, подарить ей перстень

с изумрудом. И Ирина Петровна, его мама, кажется, не возражает. Впрочем, для Иры не было таким уж большим секретом, какие мотивы движут семейством Тарасовых. Обычная человеческая благодарность, присущая щедрой русской душе.

Мама Егора была твердо убеждена, что именно Ирино участие, ее поддержка и забота помогли Егору встать на ноги после автомобильной аварии. Собственно, именно этот несчастный случай и сблизил Иру с Егором. И пусть смеются и иронизируют те, кто не верит в бескорыстную дружбу между парнем и девчонкой. Ира не из их числа.

Ира еще раз взглянула на кольцо, будущее которого было не менее туманно, чем его прошлое, и, вздохнув, захлопнула коробочку. Нужно было подыскать для подарка Нептуна укромное местечко. Не на столе же его оставлять и не с собой в рюкзаке носить! Подумав немного, Ира спрятала ювелирную коробочку на полке, среди книг. Оттуда при необходимости его и достать легко.

Теперь можно было спокойно садиться за уроки. И только Ира настроилась на решение уравнения, как зазвонил новенький «панасоник».

– Я подойду! – крикнула она, разыскивая радиотрубку на слух.

Она нашлась на привычном месте на журнальном столике, под ворохом газет. Ира взяла трубку, но палец ее задержался на кнопке связи. А вдруг это звонит Артем? В последние дни марта они расстались как-то неопределенно. Вот так же по телефону. Ира стала упрекать его и себя в черствости. Так получилось, что они с Артемом, пусть и косвенно, но оказались все же причастными к смерти хорошего человека, академика и известного биолога, к тому же папиного знакомого по фамилии Симагин.

А случилось это вот как. Артем, тогда еще Ира звала его ласково Тема, пригласил ее на прогулку в Ботанический сад. Они гуляли, разговаривали, собирали первые подснежники и неожиданно увидели лежащего на земле человека. Одежда его была в грязи, лицо разбито. Ира хотела подойти к нему, но Тема остановил: «Ты что? Это же обычный пьяница!» – взял Иру за руку и увел. И ведь она ушла. А вечером из передачи «Добрый вечер, Москва!» узнала подробности этого несчастного случая. Ученый обходил участок, прихватило сердце, и никто из людей, находившихся в это же время в саду, не захотел прийти ему на помощь... Наверное, многие из них подумали так же, как и Артем: «Принял человек на грудь после трудов праведных и теперь отдыхает!» Тогда Ира пережила самый настоящий шок, даже сознание потеряла. На следующий день, мучаясь от стыда и боли, она позвонила Теме, молясь, чтобы трубку снял он сам, а не Константин Юрьевич.

– А, это ты? День добрый, – сказал ей тогда Тема обычным голосом, и Ира подумала, что он ничего не знает об этом несчастье.

– Я вчера по телевизору видела того, ну, того человека. Помнишь? Он еще в саду лежал, – осторожно сообщила она.

– Да, не повезло бедняге. Я, знаешь ли, тоже репортажик этот поглядел. Журналистик, я тебе скажу, ужасно убогий. – Артем пренебрежительно усмехнулся. – По-русски толком высказаться не может, но сколько пафоса!

– Переживаешь? – Она все еще не понимала.

– Да нет. Все люди смертны. Хотя, возможно, отправься с ним гулять кто-то из родных или коллег, и обошлось бы.

– Но ведь мы же...

– Хочешь сказать, должны были что-то предпринять. Так ведь на лбу у него не написано, что он академик. Мы не могли копаться в чужих вещах, искать документы и прочее.

– Мы могли спасти его! Мы его убили! Убили! – Ира почти кричала, в тот миг от ее вялости и апатии не осталось и следа.

– Глупости! Наверное, ты плохо выпалась. – В Темином голосе слышались отчуждение и скука.

– Нет! Ты настоял на том, чтобы мы ушли, ушли! А я, дура, послушалась.

Кажется, именно так ответила в тот момент Ира. И тогда Артем произнес ледяным тоном:

– Не люблю истерик. Вот что, я сегодня перебираюсь от деда в местечко поспокойнее. Вы с ним будто сговорились... одни нравоучения... Следовало бы, конечно, обидеться, но так уж и быть. Дам тебе шанс, дед передаст мои координаты при случае. Думаю, через пару дней ты войдешь в разум, тогда милости прошу. Всего хорошего.

Артем отключил связь, невежливо прервав разговор первым. А не так давно он учил ее этикету, правилам хорошего тона. Мол, первой протягивает руку для приветствия девушка, она же предлагает перейти на дружеское «ты», а разговор по телефону должен заканчивать тот, кто его начал.

С тех пор, то есть с последнего разговора, прошло две недели, а Ира этим шансом так и не воспользовалась, хотя регулярно навещала Константина Юрьевича, заканчивала его портрет, готовила ему обед, убиралась в комнатах, иногда ходила в магазин или аптеку. В первый ее приход Могиканин, здоровье которого пошатнулось, схватился за бумажку с номером телефона внука, но Ира отвлекла его на что-то другое. И мудрый старик понял, что эту тему пока трогать не следует.

– Ира, ты возьмешь трубку или нет!

Ира вздрогнула. Телефон в ее руке продолжал звонить, мама кричала из кухни: «В чем дело, доча?»

Ира нажала на связь.

– Алло, вас слушают, – сказала она и задержала дыхание.

– Ирк, чего нам по алгебре задали?

К Ире вернулась способность свободно дышать.

– Ань, ну ответь, когда ты научишься дневником пользоваться? Он у тебя что, только для Кошкиных замечаний?

– Нет. Не только. Мне туда отметки ставят, все больше средненькие, и еще я в нем каникулы отмечаю, чтобы отличить праздники от серых будней, – сообщила лучшая подружка, весело расхохотавшись.

Аня Малышева, пухленькая блондинка, круглолицая, как луна, часто смеялась, но столь же часто и плакала. Она вообще легко переходила от состояния уныния к всеобъемлющей радости. Эта резкая смена настроения зависела от многих обстоятельств, в первую очередь от того, в каких отношениях подружка пребывала со своим парнем – Ваней Волковым, их одноклассником. Жизнь без любви (именно без любви к Ване) не имела для Ани смысла. Они вместе ходили в кино, вместе выращивали Анины бонсаи, вместе посещали клуб экстремалов и экстрим-колледж «Путь Ариадны», где вместе с такими же одержимыми парнями и девочками лазали по горам, плавали под водой и взбирались на отвесные скалы. Они уже даже решили, что поженятся в восемнадцать. В последнее время, правда, влюбленные частенько дулись другу на друга, но, судя по настроению Ани, вот уже неделю на их барометре «ясно».

– Ну так как? Продиктуешь номера или мне завтра у Мих-Миха двойку получать? – напомнила Аня.

Ира выполнила ее просьбу. Потом они немного поболтали и расстались. Завтра все равно в школе увидятся.

В дальнейшем вечер не отличался от множества вечеров, ему подобных. Ира приготовила уроки, поработала над эскизом, выпила за компанию чайку с родителями, а перед сном, уже лежа в кровати, открыла книжку, которую написал Константин Юрьевич.

На титульном листе была дарственная надпись: «Помни, Ирочка, слушать настоящую музыку, читать настоящую книгу, видеть настоящую красоту – это всегда большой труд... Но самый большой труд – все те годы, что отпустил тебе Господь, несмотря ни на что, оставаться самим собой!..»

4

На часах было начало второго. Егор Тарасов не спал. Перед ним на разобранной постели лежал открытый конспект приятеля, но в последние двадцать минут он ни разу не заглянул в него. Он думал об Ире и о себе, вернее, о них... Если «они» вообще имело право на существование.

– На свидание спешишь? – шутливо спросила его Ирина сегодня.

Свидание!

Знала бы она, что он уже полгода ни на какие свидания не ходит. Он вообще других девчонок не замечает. И охоту к ним она, Иришка, отбила! Вот такие вот дела! А ведь родился Егор с серебряной ложкой во рту – так принято говорить о счастливицах. Он был единственным ребенком в семье, желанным и любимым. Предки не ограничивали его свободу. С него многое спрашивалось, но еще больше разрешалось. В четырнадцать он научился прилично водить машину, в пятнадцать плавать с аквалангом и прыгать с парашютом. Где-то годам к шестнадцати он окончательно свыкся с мыслью, что у него, такого удачливого и красивого, должно быть все самое лучшее. Самые лучшие родители, самые лучшие шмотки, самая лучшая тачка, самая лучшая девчонка... А еще лучше, если лучших девчонок будет много. Так он и жил, в соответствии со своими запросами. Благо родители были обеспеченными, на семнадцать лет подарили ему его хрустальную мечту – мотоцикл «Ямаха». Не новый, но в отличном состоянии. Вот Егор и укатывал череду подружек на этом рычащем монстре с ветерком. И вдруг однажды почувствовал, что ему это все до чертиков надоело. Надоело изображать из себя такого горячего мачо, надоело проводить вечера с приятелями, у которых одно желание – выпить пивка для рывка да водочки для заводочки!

«Взрослеешь!» – сказал ему отец, как-то заметив в его руках учебник, а не банку с пивом.

А потом была эта авария. Не на монстре любимом, на отцовских «Жигулях» – самой безобидной машине. Занесло его на скользкой дороге: джип стал подсекать, Егор решил уйти в сторону, ну, его и завертело по встречной полосе. За те несколько секунд, что он был в сознании, перед ним пронеслась вся его непутевая жизнь. Все то плохое, что он совершил. Егор тогда подумал: «И как я перед Господом с таким списком прегрешений предстану? Мне точно дорога в ад обеспечена...» Очнулся он в больнице. Не ад, конечно, но и до рая далеко. И первое, что сделал, – это дал себе слово изменить свою жизнь, если ему, конечно, удастся выбраться из этого чистилища. Ведь, как выяснилось, он утратил подвижность и чувствительность ниже пояса. И тут, как ангел, в его палате появилась Ира. И, Егор ни капельки не преувеличивает, она действительно стала для него ангелом, и сиделкой, и другом. Он даже не понял, когда влюбился в нее, в эту невысокую, стройную, ничем, в сущности, не примечательную девушку с пытливыми глазами, смотревшими на мир с каким-то радостным удивлением.

Нет, не влюбился, а полюбил, вот в чем разница! Влюблялся он много и часто, и всегда легко относился к ссорам, расставаниям, но сейчас это было иное чувство, ранее им не пережитое. Любовь! Она раздирала его изнутри, мучила, не давала спать! А Ира ничего не хочет замечать. Смотрит на него как на друга, разговаривает с ним как с другом... Сегодня вот рубашку с него стянула, опять же как с друга. Получается, что он как парень для нее не существует.

Наверное, это ему в наказание за то, что однажды он посмел ее обидеть. Поспорила на нее с приятелем Максом Орловым в одиннадцатом классе. Развлечение себе такое придумали от скуки: с кем она придет на новогоднюю дискотеку, тот, значит, и выиграл пари. Макс свою трубку с янтарным мундштуком, с которой не расставался, на кон поставил. Егор фирменные очки от Гуччи. Начали, типа того, ухаживать. Макс оказался удачливее. Первым добился

согласия насчет дискотеки. Да ему и легче это было сделать: у него же на шее Алена камнем не висела.

Но Егор тогда приятеля подколот:

– Зато я первым Ирку поцеловал у тебя на даче! Она вообще ни разу ни с кем не целовалась, мне Светка по секрету сказала. Так что тебе меня еще догонять и догонять.

– Чего это догонять?! – усмехнулся Макс. – Сегодня и поцелую.

– Не поцелуешь. Я не позволю.

Так и поступил. Взял и демонстративно при ней отдал Максиму свои очки. Вот так он развлекался, идиот. В ту же новогоднюю ночь они всей компанией решили на чужой машине прокатиться. И ведь пьяными не были, так, куражились. А в милицию угодила одна Иришка.

– Не смогла убежать, дуреха! – рычал Макс, нервничая, что их теперь всех в милицию загребнут.

– Не захотела, – сказал Егор ему в пику.

А потом сообразил: а ведь он попал в самую точку! Она действительно не стала убежать. Честная малышка оказалась. И тут в нем что-то заклинило. Он, здоровый лоб, сидит и трясется, а там из четырнадцатилетней девчонки показания выжимают! Егор собрался идти в милицию, когда выяснилось, что машину угнали до них и даже нашли настоящего угонщика. В общем, все тогда закончилось для всех хорошо. И для братьев Орловых, и для Светки Красовской, и для Ленки Истериной, с которой у Егора в то время был вялотекущий роман, и для него самого.

Только вот Ира после этого случая стала его сторониться. А он, наоборот, стал замечать за собой, что невольно на переменах разыскивает ее взглядом. Тогда он решил, что в нем говорит чувство вины, ранее ему не присущее. Через полгода Егор закончил школу, и их пути разошлись. Но он все равно с каким-то непонятным упорством продолжал помнить любую мелочь, имеющую к ней отношение. Особенно остались в памяти ее мягкие, неумелые губы и то, как она гневно топтала ножкой его крутые очки, когда поняла, что к чему. Позже, весной, он узнал, что у Ирины появился парень Илья, студент архитектурного института. Вскоре Толик Агапов случайно упомянул, что тот отправился учиться в Италию.

– Туда ему и дорога! – почему-то резко отозвался Егор.

Нет, он тогда не любил Ирину. И если бы кто-нибудь намекнул ему на это, он бы только рассмеялся! Он и сам ей тогда говорил:

– Не люблю я тебя, Дмитриева, уж слишком ты правильная! Брала бы пример со средне-статистической красавицы Светы Красовской, жилось бы легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.